

Н.А. ЛУКЬЯНОВА

СЕМИОТИЧЕСКАЯ СБОРКА СУБЪЕКТА В СОЦИАЛЬНОМ КОНСТРУИРОВАНИИ

Аннотация: В статье осуществлен семиотический анализ процессов социального конструирования. В качестве концептуального инструментария, позволяющего раскрыть семиотические механизмы сборки субъекта, предлагается теория интерпретант Ч.С. Пирса. Раскрыт механизм формирования семиотического Я эксплицированный в последовательности трех этапов (трех видах интерпретант) познавательной деятельности активного субъекта.

Abstract: The article presents a semiotic analysis of social construction processes. Charles Pierce's interpretant theory is seen as a conceptual instrument that helps to uncover semiotic mechanisms of subject's assembly. The article reveals the mechanism of the semiotic "self" formation which is explicated in the sequence of three stages (three kinds of interpretants) of subject's cognitive activity.

Ключевые слова: знак, семиозис, коммуникации, интерпретанта, активный субъект, социальный конструкционизм, познавательная деятельность, семиотическое «Я».

Keywords: sign, semiosis, communication, interpretant, an active subject, social constructionism, cognitive activity, the semiotic "self".

Понимание того, что человек не существует обособленно, а находится в постоянном взаимодействии с природой, другими людьми, и с социумом является сегодня важнейшим итогом развития философской мысли XXI в.

Сегодня социокультурные изменения тесно связаны с вопросами глобализации, развитием коммуникационных технологий, массовых коммуникаций и пр. Суть многих проблем, изучаемых современными исследователями, можно сформулировать следующим образом: новейшие технические возможности распространения информации влияют на формиро-

вание всей системы материальных и духовных ценностей человека. Сегодня изменяется статус субъекта в коммуникациях. Трансцендентальный субъект замещается субъектом, являющимся частью семиотического общества. В этой связи, ставится вопрос, с помощью каких моделей и какого концептуального инструментария может быть рассмотрен семиотический уровень социального конструирования (П. Бергер, Т. Лукман).

Подчеркнем, что знаковая функция составляет одну из типологических функций социального конструирования. В силу этого, гипотезой данной статьи является утверждение, что ключевой функцией в процессах социального конструирования является именно она. В таком понимании семиотические процессы понимаются как базовый механизм социокультурной динамики, обеспечивающие саму возможность формирования социокультурных связей, управления совместной деятельностью людей и трансляции социального опыта.

Неоспоримым эмпирическим фактом следует признать утверждение, что итогом наших размышлений отражаются исключительно в знаках. Знаки – это первое, что мы создаем, и из них формируются знаковые системы. На протяжении всей истории человечества оформляется особая семиотическая реальность. Последняя понимается нами как реальность, существующая в виде знаков и знаковых систем, при этом семиотическая реальность от начала и до конца является плодом ума и рук человека. Естественные предметы мы наделяем свойством знаков, в противном случае они остаются просто вещью – предметом, с помощью которого люди оказывают прямое воздействие на тот мир, в котором живут, физически изменяя его в своих интересах (штанга в руках спортсмена, скальпель в руках хирурга и т.к. принадлежат миру вещей). Кроме того, в отличие от мира вещей, меняющего наш мир, мир знаков модифицирует наше представление о мире только в процессах коммуникаций.

Конечно, коммуникации могут возникать между машинами и животными, и они также способны транслировать знак, но только коммуникации в социуме являются основанием для созидания человека и общества. Коммуникации, таким образом, это социокультурный механизм, ориентированный на взаимодействие субъектов социокультурной деятельности с целью передачи информации или обмена посредством знаков. Человек может воспринимать знаки как знаки, но факт их объективного существования от этого не меняется. Семиотическая реальность объективируется в виде закрепленных в коммуникациях общественной традицией знаков и знаковых систем. Она существует вне нашего сознания и развивается по своим собственным законам. Это и есть жизнь знаков в коммуникациях.

Современная нам семиотическая реальность подобна разнообразным конфигурациям кубика Рубика. Создавая социальные конструкты, в том числе семиотические, которые являются «порождением определенной культуры и общества, существующие исключительно в силу того, что члены данного общества согласны считать его реально существующим или согласны следовать определенным социально сконструированным правилам»¹, человек делает мир более понятным, следовательно, более предсказуемым и управляемым.

В теориях социального конструкционизма (Л.С. Выгодский, Л. Витгенштейн, М.М. Бахтин) делается упор на психологическую составляющую процесса познания. (Терминологически, направление, заданное Бергером и Лукманом, называют иногда социальным конструктивизмом, отличая его от социального конструкционизма²). В этой связи, особое значение для данной работы приобретает тезис Бахтина о знаках, которые не существуют самостоятельно, вне совместной социальной деятельности людей, они используются для замещения чего-то другого, как посредники, как «medium», то есть как часть коммуникативной системы. Рассматривая знак как своего рода «материал», в котором слагается и осуществляется сознание, М.М. Бахтин подчеркивал, что знак может возникнуть лишь на межиндивидуальной территории, причем эта территория не природная в прямом смысле этого слова. Согласно Бахтину, необходимо, чтобы два индивида были социально организованы³.

Бахтин отвергает «абстрактный объективизм» языковой системы Соссюра и его тезис об индивидуальности речевого акта, поскольку он определяет реальность языка как речевое взаимодействие («речевая цепь высказываний»). «Бытие, отраженное в знаке, не просто отражено, но преломлено в нем <...> скрещением разнонаправленных социальных интересов в пределах одного знакового коллектива»⁴. Данный тезис важен для выявления его расхождения с Соссюром, заключенного в понимании значения, или означаемого. У Соссюра значение есть отношение одного знака к другим знакам. Для М. Бахтина значение рождается только в месте контакта знака с реальностью, и в этом случае знак является социальным наполненным.

¹ Труфанова Е.О. Социальный конструкционизм: истоки и перспективы // На пути к неклассической эпистемологии. – М., 2009. – С. 164.

² Труфанова Е.О. Социальный конструкционизм в теории познания // Эпистемология: новые горизонты: Материалы конференции 24–25 июня 2010, Москва ИФ РАН. – М., 2009. – С. 156.

³ Цит. по: Социокультурное пространство диалога. – М., 1999. – С. 16.

⁴ Цит. по: Бонеецкая Н.К. М.М. Бахтин и традиции русской философии // Вопр. философии. – 1993. – № 1. – С. 27-28.

В свою очередь, значение полностью определяется контекстом. «В сущности, — пишет М. Бахтин, — сколько контекстов употребления данного слова, столько его значений»⁵, поэтому «множественность значений — конститутивный признак слова»⁶, который играет значительную роль в общении. Значение, как утверждает Бахтин, «в сущности, ничего не значит, а лишь обладает потенцией, возможностью значения в конкретной теме»⁷, которая принадлежит целому высказыванию. По сути, философия языка Бахтина — это теория значения как употребления. Близкие идеи высказывал и Р. Барт, считавший, что каждое новое прочтение текста создает новое значение: читающий словно пишет свой собственный текст заново⁸.

Основные расхождения в подходах Соссюра и Бахтина определены двумя моментами: 1) как определяется значение языковых знаков; 2) как строятся отношения между означающим и означаемым.

Причиной таких расхождений стало то, что Бахтин акцентирует внимание на конструктивной роли диалога в создании значений: «ведь бытие знака является не чем иным, как материализацией этого общения»⁹. У Соссюра значение — это отношение данного знака к другим знакам, иными словами он дает ответы на указанные вопросы на абстрактном уровне.

Автор представляемой статьи согласна с выводами Бахтина, о неразрывности знака и коммуникативной функции языка, а также с его трактовкой психологической составляющей процесса познания. Мысль преломляется в знаке — и значение возникает только в месте контакта знака с реальностью в социокультурном контексте.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. Споры о природе языка и его роли в коммуникативном процессе ведутся давно. И сводятся к поиску ответа на вопрос, существует ли язык как идеальный объект до коммуникации или получает жизнь только в реальном общении? Результатом этих дискуссий становится различие в понимании не только языка, но и знака. Проблемным полем данного исследования является не философия языка, вкладывающая в понятие языкового знака совокупность характерных свойств объектов и явлений. На место знака ставится нечто такое, что знаком не является, и отсылает к некоторому реальному или переживаемому. В настоящей статье знак рассматривается как универсум, в котором один знак отсылает к другому.

⁵ Цит. по: Там же. — С. 87.

⁶ Там же. — С. 112.

⁷ Там же. — С. 112.

⁸ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М., 1994.

⁹ Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка: Статьи. — М., 2000. — С. 357.

Именно такое понимание знака дает нам основание обратиться при описании процессов социального конструирования в семиотической сборке субъекта к теории интерпретант Ч. Пирса.

Заметим, что мышление, природа которого, согласно Пирсу, коммуникативна, рассматривается как деятельность посредством знаков. Из этого вывода следуют два важных обстоятельства. Первое: человек не есть абсолютно индивидуальное существо. Второе: круг отношений (коммуникации) человека делают его личностью. Семиозис – это динамический процесс интерпретации знака, происходящий при участии интерпретирующего субъекта, который представляет собой единственно возможный способ функционирования знака в коммуникациях. Концептуальные положения семиотической теории Пирса не противоречат выводам, сделанным в рамках социального конструктивизма. А именно: «Активная роль субъекта (одновременно как говорящего и как слушателя), упор на речевую коммуникацию в форме постоянного диалога (в том числе диалога с самим собой), представления о сложной структуре Я (которое не является единой неподвижной субстанцией, но скорее точкой пересечения и слияния различных коммуникативных взаимодействий), а также представления о том, что мирописание не может быть однозначным, оно каждый раз зависит от конкретного контекста, от дискурса, в котором мы выражаем наши представления о мире»¹⁰.

Все вышесказанное дает возможность актуализировать и ввести в современный научный дискурс идеи эволюционной метафизики Пирса во взаимосвязи с его семиотической концепцией, провозглашающей единство двух тенденций. Непрерывности, структурированности, обретения законов и нарушающего этот порядок случая, что позволило конституировать основную методологическую установку всего исследования. Автор исследования стремилась придать философским идеям Пирса прикладной характер, привлекая его методологические установки для разрешения проблем социокультурного познания¹¹ именно в контексте задач поставленных сегодня в теориях социального конструкционизма (в его психологических теориях).

Обозначим основные положения концепции Пирса, которые с нашей точки зрения могут служить методологическими основаниями для многогранного познания мира, показывая как реальность для человека

¹⁰ Труфанова Е.О. Социальный конструкционизм: истоки и перспективы // На пути к неклассической эпистемологии. – М., 2009. С. 178-179.

¹¹ Лукьянова Н.А. От знака к семиотическим конструктам коммуникативного пространства. – Томск, 2010. – С. 10.

может существовать в бесконечном множестве интерпретант, являющихся ключевыми конструктами в семиотической сборке субъекта.

Предметом исследований Пирса являются не сами знаки, а процессы семиозиса. «Семиозис (*semiosis*) — это триадическое “действие [action] знака”, процесс, в ходе которого знак оказывает когнитивное воздействие на своего интерпретатора (или квази-интерпретатора)»¹². Пирс настаивает, что знак возникает только с появлением интерпретанты, что связано с бесконечным процессом ознбчивания.

Как подчеркивает У. Эко, «различие между обозначением (*denoting*, *denotare*) и ознбчиванием (*signifying*, *significare*) связано с различием между экстенционалом и интенционалом, между шириной и глубиной, или же — в современных терминах — между денотатом и значением (*meaning*), то есть между отсылкой к чему-то и ознбчиванием чего-то»¹³. Именно в этом мы видим отличие понятия «значение», выделенного Г. Фреге как означаемое знака, существующее в контексте английского глагола «*denote*» — «указывать» и стоящее в одном ряду с «*represent*» — «обозначать». Фреге пишет уже о результате процесса ознбчивания, когда знак становится денотатом. Он рассматривает значение как то, что обозначает определенный объект (в самом широком смысле слова), но не понятие или отношение. Такое традиционное понимание связывает значение слова и объект, этим словом представляемый.

В результате, мы получаем некоторый концепт данного объекта¹⁴, в то время как процесс ознбчивания — это семиозис, непрерывный процесс (процесс интерпретации знака). Именно интерпретация, или «интерпретирующая мысль», по Пирсу, является необходимым условием знаковости, но значение, которое предполагает существование человека в качестве интерпретатора, рассматривается нами в контексте английского глагола «*signify*» — «ознбчивать», «указывать». Подчеркнем, что важнейшей функцией знака в процессе семиозиса является функция ознбчивания. Один знак ознбчивается с помощью другого знака, тем самым создается интерпретанта, которая, в свою очередь, будет знаком для следующего знака и т.д.

В этой связи, важным является введение внутрь процесса субъекта, который и делает процесс семиозиса возможным. Это может быть человек или иная интерпретирующая мысль. Интерпретанта, как мы замеча-

¹² Hēm B. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. — Новосибирск, 2001. — Вып. 3-4. — С. 11-12.

¹³ Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. — СПб., 2005. — С. 307.

¹⁴ Kempson R.M. *Semantic theory: lecture in linguistics*. — London, 1999. — P. 13.

ли выше, имеет более широкий и сложный смысл, чем тот, который мы привыкли вкладывать в понятие «значение», как более привычное определение, связанное с глаголами «интерпретировать», «проинтерпретировать», «истолковать» и др. Под *значением* чего-либо мы будем понимать весь спектр возможных интерпретант.

Интерпретанта (интерпретант) представляет собой результат действия знака, «нечто, что производится в сознании интерпретатора», то есть в классическом понимании интерпретанту можно заменить понятием значения, что в нашем случае принципиально и важно для дальнейших рассуждений. Интерпретанта есть соотнесенность знака с его «эффектом», имеющим не только знаковую природу. Интерпретанта так же, как и объект, подразделяется на несколько видов: непосредственная, динамическая и финальная интерпретанта (это только первая классификация интерпретант, вторая будет рассмотрена ниже. — *Н.Л.*).

Итак, для Пирса вся область знаний представляет собой пространство, заполненное знаками. Сюда включаются обозначаемые знаковыми средствами рациональные идеи, чувственные представления, ощущения. Знаки становятся средством познания, поскольку могут быть интерпретированы и порождают в сознании своих интерпретаторов Интерпретанты¹⁵.

Непосредственная интерпретанта — это интерпретанта, какой она «обнаруживается в самом знаке»¹⁶. Это некоторое схватывание системного, социально нормированного содержания интерпретируемого знака. Непосредственная интерпретанта указывает на определенное свойство знака, согласно которому интерпретируемость существует еще до того, как знак достиг интерпретатора.

Динамическая интерпретанта — это «фактическое действие знака», то действие, которое происходит в самом акте интерпретации¹⁷.

Финальная (нормальная, эвентуальная, или последняя) интерпретанта и концепция динамического объекта тесно связаны, поскольку, по сути, это два аспекта одного знания. Следовательно, конечной интерпретантой становится «целенаправленно (*deliberately*) формируемый результат, который собственно знаком не является, поскольку это тот результат интерпретации, которого должен добиться каждый интерпретатор, если только знак достаточно исследован»¹⁸. Как отмечает Пирс, «окончательной интерпре-

¹⁵ Лукьянова Н.А. Номо significans в коммуникативном пространстве // Человек. — 2008. — № 4. — С. 109.

¹⁶ Нёт В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. — Новосибирск, 2001. — Вып. 3-4. — С. 15.

¹⁷ Там же. — С. 15.

¹⁸ Там же. — С. 15.

тантой является то, что было бы признано, в конце концов, истинной интерпретацией. Если б рассмотрение вопроса зашло столь далеко, что относительно него пришли бы к окончательному мнению <...> есть три смысла, в которых слово может интерпретироваться. Она (В. Уэлби. — Н.Л.) называет их Смысл (Sense), значение (Meaning), Значимость (Significance). Значимость — это самый глубокий и самый возвышенный из трех, и согласуется, таким образом, с моей окончательной интерпретантой; и значимость представляется мне превосходным наименованием»¹⁹. Пирс (1909 г.) подчеркивает корреляцию своего понятия «интерпретанта» с определениями «значение», «значимость» и «смысл», данными В. Уэлби.

Позволим себе привести достаточно длинную цитату. «Самое значительное разногласие обнаруживает себя при сравнении моего понятия *Динамического Интерпретанта с Вашим Значением*. Если я правильно понимаю последнее, оно состоит в воздействии на сознание Интерпретатора, которое тот, кто сообщает знак (устно или же письменно), намеревается произвести. Мой Динамический Интерпретант состоит в прямом воздействии, реально производимом Знаком на Интерпретатора.

Наши понятия совпадают в том, что и то и другое представляет собой результат воздействия Знака на индивидуальное сознание или на множество индивидуальных сознаний, каждое из которых подвергается независимому воздействию. Мой *Конечный Интерпретант*, полагаю, в точности соответствует Вашему понятию *Значимости*, а именно результату такого рода воздействия, которое Знак оказал бы на всякое сознание, на каковое <сознание> некоторые обстоятельства позволили бы ему оказать наиболее полное воздействие, на которое Знак в указанных обстоятельствах вообще способен. Мой *Непосредственный Интерпретант* если и не полностью, то в очень большой степени соответствует Вашему “*Смыслу*”, ибо я рассматриваю первый как не поддающееся анализу целое некоторого воздействия, на которое Знак вообще рассчитан, или естественным образом способен произвести»²⁰.

Интерпретанта в этом случае становится не только значением какого-либо термина, а некоторым результатом мыслительных процессов по поводу знака. Знак, следовательно, является своеобразной «матрицей» для создания текстов культуры. Введя в структуру знака понятие интерпретанты, Пирс видит процесс «“интерпретации” или “интерпретирующую мысль” как условие знаковости, что, кажется, предполагает вместе с тем человека или, по меньшей мере, животное в качестве интерпретатора»²¹.

¹⁹ Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. — М., 2000. — С. 232.

²⁰ Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. — СПб., 2000. — С. 318-319.

²¹ Нём В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. — Новосибирск, 2001. — Вып. 3-4. — С. 11.

Таким образом, он предлагает идею семиотической связанности, вводя понятие «человек-знак», существо человека в этом случае понимается как идентичность человека знаку в мире знаков. Человек в триаде репрезентант-объект-интерпретант будто бы «склеивает», «соединяет» три составляющие знака в конституированное целое.

Пирс предложил две классификации интерпретант, однако обоснование данных классификаций в трудах Пирса не зафиксировано. В первой классификации интерпретанты делятся на эмоциональные, энергетические и логические. На основании выводов, сделанных Пирсом о последовательности прояснения значения (как процессе устранения раздражения, вызванного сомнением), можно говорить о том, что основанием данной классификации, с нашей точки зрения, является функция интерпретанты в акте коммуникации, то есть та работа, которую производит интерпретант в процессе озвучивания. Эмоциональная интерпретант в акте коммуникации производит эмоции, которые есть основания сомнения в правилах действий. Функция энергетической интерпретанты состоит в определении способа действий (например, действие солдат в ответ на команду «Равняйсь!»). Обретение верования в отношении вещи осуществляет логическая интерпретант. Функция этой интерпретанты заключается в том, что она играет ключевую роль в некотором рациональном процессе (например, в политической дискуссии). Достигается уверенность в определенных правилах действий с вещью. Следовательно, возникает понимание практического значения возможных следствий относительно объекта мысли.

Согласно второй классификации интерпретант, которая была рассмотрена выше, интерпретанты делятся на непосредственную, динамическую и финальную. Мы полагаем, что основанием для данной классификации является установление уровня степени ясности значения (некоторый результат), достигаемый в акте коммуникации. Пирс выделяет три степени ясности.

Первая степень ясности – имплицитное знакомство, что соответствует непосредственной интерпретанте. Это вид перевода знаков в некоторую устойчивую переводимость, она означает возможность, но далеко не абстрактную.

Вторая, логическое определение, соответствующее динамической интерпретанте, как любое следствие, действительно производимое знаком как таковым. Для ясности знак переводится от молчаливого знакомства к эксплицитному определению логического характера, то есть определению роли данной интерпретанты в акте коммуникации.

Третья степень ясности, прагматическое прояснение, соответствует финальной интерпретанте. Это следствие, которое знак произвел бы после

размышления, что означает прагматическое прояснение реальности, способность интерпретанты воздействовать на партнера по коммуникации.

Итак, были рассмотрены две классификации интерпретант, предложенные в версии семиотики Пирса. Ключевым отличием первой классификации интерпретант от второй является то, что они классифицированы по различным основаниям. Основанием для первой классификации служит принцип функционирования знака в коммуникациях (эмоциональный, энергетический, логический). Основанием для второй классификации является результат данного процесса (некоторое состояние, которое наступило в результате коммуникативного акта), то есть определяется форма интерпретанты, возникающая в коммуникативном акте.

Приведем следующий пример, демонстрирующий механизмы семиотической сборки субъекта с позиции последовательно «работающих» интерпретант, процесс, в котором наглядно представлено создание Я-конструкции, схлопнувшей события прошлого, настоящего и будущего человека. Ю. Кристева описывает эту ситуацию как определенную семиотическую сборку телесности²², что обеспечивает возможность для любого Я быть увиденным в качестве своеобразного текста культуры.

Мы уже приводили пример с человеком-невидимкой, рассматривали принципы озвучивания «невидимости» посредством существующего знания о реальности, так как, чтобы интерпретировать нечто, необходимо обладать некоторым знанием (презумпцией) о знаковой природе этого предмета²³. Например, для миссис Холл это салфетка — нечто белое, чем незнакомец прикрывал нижняя часть лица; для часовщика Тэдди Хэмфри — «темные очки», которые позволили сравнить незнакомца с «морским раком», то есть создается интерпретанта знака при помощи другого знака, который является мысленным образом в сознании. Так запускается бесконечный процесс семиозиса. По сути, семиозис — это деятельность знака по созданию своей интерпретанты, в которой человек присутствует в качестве интерпретирующего субъекта.

Лишившись тела, «невидимка» перестал существовать для социума; чтобы приобрести некоторый статус, он должен был себя озвучить, то есть создать себя как некоторое множество интерпретант. Г. Уэллс последовательно описывает «невидимость», точнее, как ее осознают и описывают окружающие, конструирующие реальность «невидимости»: «взбесившая

²² Kristeva J. *Revolution in Poetic Language*. — New York, 1986. — P. 89-136.

²³ Лукьянова Н.А. От знака к семиотическим конструктам коммуникативного пространства. — Томск, 2010. — С. 126-127.

мебель», «дрогнувшее пламя свечи», «чернота вместо розового тела» – это те паттерны интерпретант, которые характеризуют эмоциональный процесс функционирования знака. Как отмечалось выше, непосредственная интерпретанта указывает на определенное свойство знака, согласно которому интерпретируемость существует еще до того, как знак достиг интерпретатора. Это определенное качество в возможности. В данном случае это возможность существования «невидимости» в коммуникативном пространстве.

На втором этапе функционирования энергетической интерпретанты определяется способ существования «невидимости» в реальности, формируется динамическая интерпретанта, подчеркивающая индивидуальные признаки «видимости» невидимки: «чудовищный, широко раскрытый рот, пересекающий все лицо», «огромные очки вместо глаз», «что-то в высшей степени странное, похожее на руку без кисти».

И, наконец, интерпретанты, создаваемые на третьем этапе. В процессе работы логической интерпретанты делается вывод, который определяется в конце как истинная интерпретация: «Ведь это совсем не человек! Тут только пустая одежда», «Невидимка!».

Таким образом, реальность «человека-невидимки» может быть представлена как результат конструирования, а средством этого конструирования выступают семиотические конструкты – паттерны интерпретант функционирующие в коммуникативном пространстве.

Человек-невидимка, лишившись тела должен был, по сути, сконструировать себя; создать свое Я заново. Но это новое «семиотическое Я», поскольку его собственное Я осталось. Как отмечает Е.О. Труфанова Я – это сложносоставная система, отдельными элементами которой являются Я-образы²⁴. Одним из таких Я-образов является семиотическое Я. Чтобы приобрести некоторый статус, человек должен себя озвучить, то есть создать себя как некоторое множество значений, получить значимость в пространстве и времени, поскольку нельзя обращаться к «нечто», ведь коммуникация всегда требует адресата.

Семиотическое Я является неотъемлемой частью субъекта, который выступает как активный субъект конструирования. Иначе говоря, понятие неограниченного семиозиса Пирса является неотъемлемым элементом процесса познания человеком себя и мира. Язык, как система знаков, созданных человеком, поэтому – он стержень всех коммуникативных процессов. Человек – носитель языка, и с помощью знака он получает возможность отвлеченного мышления, абстрагирования и, следовательно-

²⁴ Труфанова Е.О. Проблема Я в конструктивизме // Конструктивизм в теории познания. – М., 2008. – С. 133.

но, рефлексии над самим собой и окружающей природой, вступая тем самым в коммуникации. Приведем другой пример.

Ни у кого не вызывает сомнения, что смена политического стиля ощущается каждый раз, когда происходит смена политической власти или смена главы государства. В статье «Политическое тело президента»²⁵ удачно проанализированы те изменения, которые наблюдались в ходе разворачивания избирательной кампании В.В. Путина. Как писал в свое время М. Фуко, политическое тело — это «совокупность материальных элементов и техник, служащих оружием, средствами передачи, каналами коммуникации и точками опоры для отношения власти и знания»²⁶. Отношение к знаку имеет принципиальное значение в анализе политического тела, которое включает весь семиотический потенциал властной персоны. Как отмечает автор статьи, постепенно происходило приписывание значений новой политической фигуре. «Прежде всего, были актуализированы и перенесены в политическую сферу аксиологически окрашенные физические конструкты (“молодой”, “здоровый”, “спортивный”).

Действительно, сколько не показывали пляшущих Явлинского и Зюганова, они были не так убедительны, как Путин на татами. Преимущества этой версии выглядели особенно убедительно на фоне нездоровья Ельцина»²⁷. Было еще множество фактов, свидетельствующих о создании нового образа, но этот небольшой пример наглядно демонстрирует, как на этапе логического определения происходит взаимодействие новых значений (В.В. Путин) с уже известными (спортсмен, молодой лидер), в итоге чего формируется новое политическое тело президента.

Создана окончательная интерпретанта — образ — «физически сильный человек, борец и горнолыжник, в пространстве власти легко превращается в сильного политика, борца и защитника»²⁸. Создано новое семиотическое Я, позволившее повлиять на политические процессы. В таком видении интерпретанта — это своеобразная семиотическая метаединица, метаконструкция, тождественная триадичной структуре знака в его потенциальности и целеустремленности в процессах коммуникации. Именно интерпретанта определяет знаковый характер в отношениях между отправителем и получателем в процессах коммуникации. Этот процесс

²⁵ Орлова Г. Политическое тело президента // Критика и семиотика. — Новосибирск, 2001. — Вып. 3-4. — С. 67-77.

²⁶ Фуко М. Надзирать и наказывать [Электронный ресурс]: рождение тюрьмы: Пер. с фр. — М., 1999. Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.philosophy.ru/library/foucault/03/fuko_oglavlenie.html (дата обращения: 08.08.2008).

²⁷ Орлова Г. Политическое тело президента. — Новосибирск, 2001. — Вып. 3-4. — С. 69.

²⁸ Там же. — С. 73.

фактически бесконечен, поскольку каждый знак способен породить интерпретанту, которая, в свою очередь, становится знаком.

Безусловно, семиотическая сборка субъекта не единственный механизм социального конструирования. Однако семиотические аспекты позволяют рассматривать внутреннюю структуру семиотического Я субъекта, понять то, что не удастся выявить с помощью другого инструментария. Как подчеркивает В.А. Лекторский: «Человек – реальное существо, а не бестелесное сознание. Он включен в мир и своей деятельностью трансформирует его»²⁹, поскольку он не просто живет в мире знаков, но, в силу своей изначальной семиотической предрасположенности, спаян со знаковыми системами во всех (познавательных и непознавательных) процессах, связанных с восприятием, формированием структур сознания и познания, в той же мере, как и при любом виде обмена информацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994.
2. Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка: Статьи. – М., 2000.
3. Бонеецкая Н.К. М.М. Бахтин и традиции русской философии // Вопр. философии. – 1993. – № 1.
4. Лекторский В.А. Дискуссия антиреализма и реализм в современной эпистемологии // Познание, понимание, конструирование. – М., 2008.
5. Лукьянова Н.А. Homo significans в коммуникативном пространстве // Человек. – 2008. – № 4.
6. Лукьянова Н.А. От знака к семиотическим конструктам коммуникативного пространства. – Томск, 2010.
7. Лукьянова Н.А. От знака к семиотическим конструктам коммуникативного пространства. – Томск, 2010.
8. Нёт В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2001. – Вып. 3-4.
9. Орлова Г. Политическое тело президента // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2001. – Вып. 3-4. – С. 67-77.
10. Орлова Г. Политическое тело президента. – Новосибирск, 2001. – Вып. 3-4.
11. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. – М., 2000.
12. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. – СПб., 2000.
13. Социокультурное пространство диалога. – М., 1999.
14. Труфанова Е.О. Проблема Я в конструктивизме // Конструктивизм в теории познания. – М., 2008.
15. Труфанова Е.О. Социальный конструкционизм в теории познания // Эпистемология: новые горизонты: Материалы конференции 24-25 июня 2010, Москва ИФ РАН. – М., 2009.
16. Фуко М. Надзирать и наказывать [Электронный ресурс]: рождение тюрьмы: Пер. с фр. – М., 1999. Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.philosophy.ru/library/foucault/03/fuko_oglavlenie.html (дата обращения: 08.08.2008).
17. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – СПб., 2005.
18. Kempson R.M. *Semantic theory: lecture in linguistics*. – London, 1999.
19. Kristeva J. *Revolution in Poetic Language*. – New York, 1986. – P. 89-136.

²⁹ Лекторский В.А. Дискуссия антиреализма и реализм в современной эпистемологии // Познание, понимание, конструирование. – М., 2008. – С. 27.